

## ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ТА МЕТОДОЛОГІЇ ДОСЛІДЖЕННЯ

---

DOI: 10.18524/2312–6809.2019.29.180589

УДК 821.161.1.09“187/188”

### ПУТЬ К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ. КРИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ 70–80-х гг. XIX в.

*Нина Раковская, канд. филол. наук, доц.*

*Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова  
svitova\_literatura\_onu@ukr.net*

*В статье актуализируется необходимость переоценки этико-эстетической парадигмы литературной критики 70–80-х годов XIX в. Делается акцент на своеобразии критических текстов Н. К. Михайловского, соединившего философское видение мира с познанием литературы как значимого явления в европейской и русской культурах. Указывается, что критику свойственно рассмотрение творчества писателя с точки зрения авторской модели мира и человека. Н. К. Михайловский стремится к определению доминант в художественных текстах, опираясь на различные области знания: социокультурные, философские, исторические. Рассматривается психологизм в литературе как ее родовое свойство во II половине XIX в. Особый интерес представляет обращение критика к проблемам сознательного и бессознательного, гипноза. Н. К. Михайловский создает концепцию личности писателя, ощутившего приближающееся время катастроф и катаклизмов, в связи с чем, меняются представления о гармонии и дисгармонии, добре и зле, космосе и хаосе.*

*В статье указывается на значимость идей критика в области создания теории индивидуальности, автора и героя, в контексте культурного пространства.*

**Ключевые слова:** *литературная критика, социопсихологический фактор, антропоцентризм, критическая рефлексия, авторское сознание, Н. Михайловский.*

В современном гуманитарном знании явственно проявляется интерес к синтезу философских, исторических, литературных, культурологических идей. Об этом свидетельствуют исследования С. Зенкина, В. Лукова, Вл. Лукова, А. Бородина, М. Лановик, М. Ямпольского и др. Представляется, что тезаурусный подход дает возможность трансформировать каноны не только в поэтике и риторике художественного текста, но и в концепциях литературных критиков. В статье отмечается, что уже в 70–80-х гг. XIX века в литературной критике обозначился переход от позитивистских идей к идеям ан-

тропоцентрическим. Очевиден интерес к религиозно-философским, психологическим, психоаналитическим практикам. Вместе с тем в работах литературоведов по-прежнему сохраняется традиционная оценка критики этого периода как явления сугубо идеологического и социального. Культурологический и психологический аспекты в статьях критиков не рассматриваются. Заметим, что обращение к критической рефлексии указанного времени позволяет сделать вывод о том, что сущность критической парадигмы была, прежде всего, обусловлена переходной эпохой, характеризующейся актуализацией социокультурных и социопсихологических факторов.

Об этом свидетельствует акцент критиков на проблеме одиночества личности, ее потерянности на фоне бесконечного, не подвластного ей исторического времени. Время воспринималось как эпоха смены христианского мироощущения новой этико-философской системой, в результате чего сознание человека изменяется.

В последней трети XIX в., которое литературовед А. Михайлов определил как переходное, в литературе усиливается субъективность видения мира и человека. Произведения Л. Толстого и Ф. Достоевского способствуют открытию «тайны человека». Переходность нового времени отразилась в философских размышлениях о конечности и бесконечности человеческого существования. Отчаяние и надежда, роковое и случайное, сознательное и бессознательное стали основными мотивами интеллектуальных поисков, объединяя такие разные их проявления, как поздние повести Л. Толстого, психоаналитические наблюдения С. Шпильрейн, литературная критика Н. Михайловского и т. п.

Представление о роковом, трагическом характере русской жизни возникает у Н. Михайловского уже в начале 1870-х годов. Мыслящий современник представлялся Н. Михайловскому человеком, сформированным многовековой национальной и европейской культурно-исторической традицией, ощутившим ее исчерпанность и оказавшимся один на один с вековыми проблемами. Человек нового времени должен был решить вопрос о добре и зле, выработать иные эстетические и нравственные критерии, осмыслить мгновенность человеческого бытия на фоне бесконечной жизни природы. В его мышлении и сознании, по мнению Н. Михайловского, возникают экзистенциальные вопросы о сущности бытия. Для их осмысления Н. Михайловский опирается на теорию трехфазного развития человечества и культуры.

В ней можно выделить следующие этапы:

- 1) объективно-антропоцентрическое, в котором человек наивно считает себя центром мира;
- 2) субъективно-антропоцентрическое, когда человек и его этические искания становятся в центре мира;
- 3) эксцентрическое, в котором центральное значение присваивается объективному миру, подчиняющему себе человека.

Человек в этой системе оказывался средоточием всех проблем: философских, экономических, социальных, этических. «Человек — тайна, ее нужно разгадать!» Эта формула Ф. Достоевского оказалась созвучной критике.

Заметим, что интерес к личности человека, всегда присущий Н. Михайловскому, уходит корнями в антропологические идеи философской мысли XIX в. Очевидно, что они усилились в эпоху переходного времени 70–80-х годов.

Философский смысл нового времени Н. Михайловский определил формулой немецкого философа Макса Штирнера: «я» — не «я». Не принимая ее эгоцентрического пафоса, он признает законность указания философа на характер трагического противостояния личности («я») и объективного мира (не «я»). Но человек, по мнению Н. Михайловского, живет не только идеями, но и инстинктом непосредственного существования. Жизнь складывается из многих слагаемых. Гипертрофированно развитая потребность мыслящего человека философски осмыслить жизнь — лишь одна сторона человеческого существования, вторая — реализация человека в творчестве.

Исходя из этих особенностей возникает пристальный интерес Н. Михайловского к личности художника, необходимость анализа процесса творчества. Этот процесс он представлял как единство ряда последовательных этапов, на которых различную роль играет соотношение сознательного и бессознательного элементов. Значительная часть работы поэта, замечает он в «Записках профана», происходит в той психической кладовой, которая называется областью бессознательного. Критик подчеркивал, что комбинация впечатлений, составляющая процесс художественного творчества, преимущественно происходит за порогом сознания, в тайниках бессознательного. Но, по его убеждению, бессознательный элемент, во-первых, присутствует (по-своему и в разной степени) не только в художественном, но и во всяком другом творчестве, а во-вторых,

доминирует лишь на определенном его этапе. «Бесспорно, — пишет он, — что работа гения отнюдь не сплошь идет при свете вполне бодрствующего сознания. По-видимому, работа идет в общих чертах так: мысль сознательно и под давлением определенного волевого импульса направляется на известный план и разрабатывает его, но по прошествии времени в работу врывается струя автоматизма, вызываемая памятью из недр сознательно и бессознательно усвоенных фактов подходящие элементы и комбинируя их в целое. Затем сознание и воля опять вступают в свои права, но период бессознательного необходим» [6, т. 4, с. 331].

Критик ставит вопрос о внимании к особенностям душевного строя художника, с одной стороны, и к условиям, в которых протекает его жизнь, с другой. Понятия «душевный строй», индивидуальность писателя не сводимы только к количеству и качеству таланта: «...каждый сам по себе, каждый в своем роде, в каждом есть, нечто, кроме таланта, что при помощи этого таланта ударяет по сердцам читателей, по крайней мере, в данную минуту, при данных условиях. Открыть секрет успеха писателя, значит найти это нечто, помимо таланта, хотя и при его посредстве, притягивающее к нему общее внимание, указать тот пункт в его писаниях, который направляет к нему радиус интереса и симпатий современных читателей», — писал он [6, т. 4, с. 335].

Н. Бердяев в книге «Субъективизм и индивидуализм общественной философии» отмечал, что для Н. Михайловского при оценке литературных явлений доминировала «этическая точка зрения» и «верховенство личности» [3, с. 97]. В понятия «среда», «обстоятельства» Н. Михайловский включает не только конкретику социально-экономических условий (обстоятельства «внешние»), но и особенности душевного состояния человека (обстоятельства «внутренние»). Психический фактор, считает он, играет значительную роль даже в таком явлении, как подражание, не говоря уже о творческом процессе, осмыслить который нельзя только при помощи теории Ч. Дарвина или Ф. Гальтона. Важно понять механизм своеобразного гипноза, каким является творческий акт [5, т. 10, с. 320]. В «Записках профана» критик пишет: «Над вопросом об истине выше всего наука ставит вопрос об условиях человеческой природы. Прежде всякого другого познания человек должен познать свою природу, свои границы» [5, т. 10, с. 329]. Познав свою личность, художник, как правило, вступает

ет в конфликт с миром. Характер связи личности и мира в системе Н. Михайловского, напряженность их противостояния соотносимы с романтической коллизией. Критик полагал, что романтизм — категория скорее психологическая, чем эстетическая или философская. Прежде всего, это состояние духа. Важнейшей типологической чертой романтизма критик называет своеобразное психологическое состояние души, проходящей различные состояния от смирения к протесту и бунтарскому мироощущению. Очевидно, что идеалом Н. Михайловского был мыслящий художник. И его интерес к тому, как автор творит людей по своему образцу и подобию, вкладывая в них нечто свое, душевное, не заслоняет многообразных отношений художника с миром. В этом плане любопытно суждение К. Юнга: «Художественное творчество, с одной стороны, переплетено с личной жизнью художника, а с другой — все-таки возвышается, над этим переплетением» [7, т. 15, с. 97].

Н. Михайловскому близка мысль о том, что человек «в каждой вещи, в каждой мысли видит свое особенное, никем не видимое» [6, т. 4, с. 321]. Во всех явлениях «поражения» личности (обществом, с одной стороны, «собственными ее элементами — с другой»), внушения, которым она подчинена, «тянут» личность в «разные стороны», если нет объединяющего ее высшего начала, т. е. веры в божественное. «Сцепленность» ума, сердца и веры определили с точки зрения критика толстовское постижение сознательного и бессознательного, ибо человек — это не только разум, но и вся сфера его над- и подсознательной деятельности, связанная с движением чувств, эмоций, страстей. Н. Михайловский справедливо отмечает, основываясь на изучении художественного опыта литературы второй половины XIX в., что Л. Толстой видит в познании человека две цели: интеллектуальную, заключающуюся в стремлении нашего разума к единству образа мира и своего места в нем, и практическую, относящуюся к области чувств и эмоций. Отсюда и интерес писателя к мотивам поведения человека. В этом плане Н. Михайловский замечает, что мотивы бывают с рационалистической или эмоциональной доминантой. Роль художника определяется умением постигнуть «красоту душевную», следовательно, для него важнее эмоциональное состояние души.

Интересно, что Н. Михайловский все факты человеческого существования делил на три разряда. Первый разряд — это факты естественные, совершающиеся помимо воли и сознания человека.

Таковы, например, законы природы, прилагать к которым мерку нравственного суда — бессмысленно. Другой разряд — факты исторические. Они столь же закончены и не подлежат изменению, как и факты естественные, но тем не менее человек не может относиться к ним равнодушно, так как они в свое время прошли через разум и сознание людей. И третий важный разряд — это факты, с которыми человек сталкивается в настоящем. По существу, они, разумеется, ничем не отличаются от фактов естественных и управляются общими для всего сущего законами, но ошибочно или нет, а человек по самой природе своей — «чувствует их ответственность, потребность нравственного суда, возможность влиять на факты в ту или иную сторону» [5, т. 4, с. 420]. В этой области фактов человек свободен, утверждает Н. Михайловский, но никакие доказательства их естественности, закономерности и необходимости не снимают с человека личной нравственной ответственности за все происходящее. Основная особенность в отношении личности к стихийным или исторически закономерным явлениям состоит, с точки зрения Н. Михайловского, в том, что все стихийное и независимое от человека, слепая судьба и т. д. не отвечают за смысл жизни и ее сущность. Господство случайности, отсутствие логики, нравственности, унижение того, что человек ценит и уважает, вся бессмыслица действительности, во всем этом судьба «не друг и не враг людей, не злодейка и не благодетельница и ни за что не ответственна. Она не знает вопроса, зачем жизнь оскорбляет и мучает людей. Она дает ответ только на вопрос «почему?» Но люди, вторгаясь в причинную связь явлений со своими целями, берут на себя ответственность, связанную с вопросом «зачем?» [5, т. 1, с. 451].

В этом аспекте Н. Михайловского, прежде всего, интересует способность человека к мышлению и рефлексии. С точки зрения критика, именно эта способность человека делает его личностью, ответственной за свои поступки, признающей свою вину и готовой к покаянию. Заметим, что критика одновременно интересует психология героя и «механика» массового увлечения под влиянием «одионой воли». Среди многообразных чувств, присущих толпе, Н. Михайловский выделяет психологически доминирующие — «пример» и «подражание». Он ссылается на факты «обезьянничания» в житейском поведении людей, на известные случаи эпидемий самоубийства и других массовых психозов. Даже в крестовых походах, где,

несомненно, сказывалось действие общей идеи, было бы ошибкой, считает Н. Михайловский, не различать фактор подражания. Непреодолимая сила подражания резко проступает в ряде патологических случаев, исключающих присутствие значимых причин и осознанных целей. Констатируя близкое родство подражания и покорности, Н. Михайловский стремится выявить причины их возникновения. Опираясь на суждения А. Смита, Г. Спенсера и др., он приходит к выводу, что подражательность свидетельствует о психологической подавленности, приводящей к «омрачению сознания и воли», связанной с особыми обстоятельствами, как «внешними» так и «внутренними». Психические факторы играют существенную роль в таких подражательных явлениях, как, например, «мимичность», «мимикрия». Н. Михайловский приводит множество примеров, в которых поразительные эффекты восприятия достигаются именно напряжением нервно-психических сил человека. Скажем, история бельгийской девушки Луизы Лато, у которой еженедельно, в пятницу, появлялись кровоточащие язвы (стигматы), подобные ранам Христа (ст. Патологическая магия).

Внимание к «внутренним обстоятельствам» и внутреннему состоянию человека приводят Н. Михайловского к познанию явления гипноза, в котором, с его точки зрения, и следует искать «секреты» подражания. Критик убежден, что проблему подражающей «толпы» невозможно решить ни с помощью теории приспособления Дарвина, ни с помощью учения Ф. Гальтона о стадных инстинктах, ни с помощью теории Х. Рамбоссона о переходе толпы от психического движения в физиологическое, ни с помощью психо-зоологической теории Ц. Ломброзо, согласно которой массу может увлечь энергия ненормального человека, психиатрического субъекта «маттоида». Причину следует искать в гипнотическом воздействии, ибо гипноз способствует подавлению деятельности высших мыслительных центров, способствует отключению контроля центрального сознания, вследствие чего человек лишается самоуправления и поддается чужому влиянию. Можно сказать, пишет Н. Михайловский, что «человек начинает жить однообразной жизнью, и, исчерпав себя, превращается в выведенное яйцо, которое собственного содержания не имеет, а наполняется тем, что случайно воляется в него со стороны» [5, т. 1, с. 159].

В цикле статей о героях и толпе («Герои и толпа», «Научные письма», «Патологическая магия», «Еще о героях», «Еще о толпе») Н. Ми-

хайловский создает теорию индивидуальности, используя знания биологической науки и психологии. Исследуя средневековый период в жизни Европы, изобилующий примерами массового гипноза, эпидемических психозов-подражаний, выражающихся в неистовых плясках, демономании, самобичевании, Н. Михайловский указывает, что та или иная странность человека становилась предметом подражания. Возле каждого такого необычного «героя» собиралась толпа и, глядя на него, «плясала или молилась, убивала людей или самобичевалась, предавалась посту или всяческому воздержанию, или, напротив, крайней разнузданности страстей» [5, т. 1, с. 173]. Впоследствии проблему «толпы» и ее восприятие необычного, неоднозначного (напр. связанного с уходом человека из жизни) исследовал Р. Барт в статье «Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По» [1]. В данном аспекте также любопытна классификация различных типов китайской казни, наказаний человека, унижение его духа и уничтожение плоти в работах Ж. Батая [2].

В указанных ситуациях характерной психологической чертой большинства людей становится самоподчинение, покорность, пассивное терпение. Именно в силу стадности, принципа «как все» толпа неустойчива, импульсивна, ей свойственна быстрая смена впечатлений. Такой предстает она, с точки зрения критика, в художественных произведениях, в частности, в трагедии А. Пушкина «Борис Годунов»; «Юлий Цезарь», «Кориолан», «Генрих VI» В. Шекспира, пьесах «Овечий источник» Лопе де Вега, «Жакерия» П. Мериме, романе Л. Толстого «Война и мир». Обращаясь к названным произведениям, Н. Михайловский подчеркивает, что необходимо продуманно отнестись к явлению, обозначенному в них словом «народ». Художники воссоздали психологию бессознательной, социально непроявленной массы (толпы) — психологию, весьма сходно проявляющуюся в самых различных культурах. Казалось бы, рассуждает критик, «народ» у В. Шекспира и А. Пушкина должен выглядеть очень разное: римляне I и V веков до новой эры, англичане XV века, русские XVI столетия. Да и наблюдения писателей, столь отделенных друг от друга временем и пространством, над своим, современным им народом должны были привести к различным обобщениям. Между тем налицо поразительное сходство: везде народ оказывается легко возбудимой, быстро меняющей настроение массой, в которой бесследно тонет всякая индивидуальность, которая «любит без толку и ненавидит без



причины» и «слепо» движется в том или ином направлении, данном каким-нибудь ей непонятным толчком [5, т. 1, с. 405–406]. Л. Толстого, замечает Н. Михайловский, нельзя заподозрить в отсутствии нардолюбия, но в сцене расправы толпы с Верецагиным или же бунта богучаровских крестьян поведение массы отмечено той же непоследовательностью. Рассмотрев еще несколько сцен из романа «Война и мир», в частности приезд Александра I в Москву, и выявив некоторые общие психологические моменты в поведении «толпы», будь это разночинный люд на улице перед дворцом или же местное дворянство, Н. Михайловский дополнил свое определение толпы. «В толпе» исчезает разница в поведении людей. «Толпа, — отмечает критик, — не народ, а самостоятельное общественно-психологическое явление», толпа «бессознательна», в ней «погашено стремление, воля индивида» [5, т. 1, с. 415]. Трагизм в том, указывает Н. Михайловский, что самое прекрасное увлечение толпы способно по любой случайности смениться на противоположное.

Создавая теорию «индивидуальности», Н. Михайловский основывался на тектологических тезисах ученого-биолога Э. Геккеля, в которых было намечено шесть ступеней развития индивидуальности по принципу возрастающей сложности [5, т. 1, 346]. Чем выше развитие индивидуальности, тем сильнее ее противостояние толпе, способность изменить обстоятельства, «влиять на ход событий». Акцент на личности приводит Н. Михайловского к учению Т. Карлейля о великих людях, влияющих на ход истории. Размышляя о роли индивидуальности, о причинах ее действий, критик пишет: «Пусть он не более как орудие истории, но история выбрала, однако, в свои орудия именно его из десятков и сотен тысяч. Пусть он орудие, но он орудие чувствующее, мыслящее и, главное, работающее в определенном, сознательно преследуемом направлении. Пусть он, со всеми своими исключительными силами или даже только с исключительной удачей, есть результат известных причин, но преследуя свою цель, он сам становится активной и сознательной причиной дальнейшего хода событий...» [5, т. 1, с. 382].

В этом плане интересна классификация Т. Карлейля, на которую опирается критик. Культ героев у Т. Карлейля, «во-первых, культ именно героев, а во-вторых, не включает в себе ничего раболепно-го и принудительного». В понимании Т. Карлейля, герой — личность наиболее развитая в интеллектуальном и нравственном отношении,

натура возвышенная и деятельная. К героям он относил: 1) богов (Один), 2) пророков (Магомет), 3) поэтов (Данте), 4) духовных пастырей (Лютер), 5) писателей (Руссо), 6) вождей (Кромвель).

Вместе с тем Н. Михайловский осознает, что не случайно разум и глупость являются архетипами культуры. Феноменология русской сказки опирается на героя как искателя истины, в то же время и дурак неприменимый персонаж сказки. Его помощь постоянно необходима (теория В. Проппа). В этом аспекте интересны размышления критика о сказочном герое-трикстере Тиле Уленшпигеле. Оскверняя святилище, осуществляя жестокие проказы, Тиль борется с миром несправедливости. Разуму и власти противопоставлены ирония и смех. Именно ирония обнаруживает глупость власти и принуждения личности там, где их не замечают. Смеховая культура, как впоследствии скажет М. Бахтин, способствует не только катарсису, разрядке напряжения, но и человеческой эмансипации.

Таким образом, постижение психологии человека, познание его индивидуальности в контексте исторического времени, культурного контекста позволило Н. Михайловскому увидеть «личностное общество как общество внутренней свободы», что остается актуальным и сегодня.

#### **СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ**

1. Барт Р. Избранные статьи: Семиотика: Поэтика. М. : Прогресс, 2009. 616 с.
2. Батай Ж. Внутренний опыт. М. : Аxiома, 1997. 145 с.
3. Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. СПб., 1901. 273 с.
4. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. М. : ЭГО, 1991. Т. 1. 298 с.
5. Михайловский Н. К. Сочинения : в 10 т. СПб., 1896–1909.
6. Михайловский Н. К. Записки профана. *Отечественные записки*. 1875. № 3. С. 308–346.
7. Юнг К. Г. Собрание сочинений: в 19 т. М. : Ренессанс, 1992.

## ШЛЯХ ДО АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ. КРИТИЧНА РЕФЛЕКСІЯ 70–80-х рр. XIX ст.

*Ніна Раковська, канд. філол. наук, доц.*

*Одеський національний університет імені І. І. Мечникова*

*У статті актуалізується необхідність переоцінки етико-естетичної парадигми літературної критики 70–80-х років XIX ст. Робиться акцент на своєрідності критичних текстів М. К. Михайловського, який поєднав філософське бачення світу з пізнанням літератури як значимого явища в європейській та російській культурах. Вказується, що критикові властивий розгляд творчості письменника з точки зору авторської моделі світу та людини. Н. К. Михайловський прагне до визначення домінант у художніх текстах, спираючись на різні галузі знання: соціокультурні, філософські, історичні. Розглядається психологізм у літературі як її родова властивість у II половині XIX ст. Особливий інтерес складає звернення критика до проблем свідомого та несвідомого, гіпнозу. М. К. Михайловський створює концепцію особистості письменника, який відчув, що наближається час катастроф та катаклізмів, у зв'язку з чим змінюються уявлення про гармонію та дисгармонію, добро та зло, космос та хаос.*

*У статті вказується на важливість ідей критика в аспекті створення теорії індивідуальності, автора і героя, в контексті культурного простору.*

**Ключові слова:** літературна критика, соціопсихологічний фактор, критична рефлексія, антропоцентризм, авторська свідомість, М. Михайловський.

## PATH TO ANTHROPOCENTRISM. CRITICAL REFLEXION 70–80 YEARS XIX CENTURY

*Nina Rakovskaya, candidate of philological sciences (Ph. D. candidate),  
associate professor*

*Odessa I. I. Mechnikov National University*

*The article actualizes the need to re-evaluate the ethical and aesthetic paradigm of literary criticism of the 70–80s of the XIX century. The emphasis is placed on the originality of critical texts by N. K. Mikhailovsky, who combined the philosophical vision of the world with the knowledge of literature as a significant phenomenon in both European and Russian cultures.*

*It is pointed out that critics naturally considers the writer's work from the author's model of the world and man point of view. N. K. Mikhailovsky seeks to define dominants in literary texts, relying on various fields of knowledge: sociocultural, philosophical, historical. Psychologism in literature is considered as its generic property in the second half of the XIX century. Certain interest has the critic's appeal to the problems of the conscious and unconscious, hypnosis. N. K. Mikhailovsky creates the concept of the personality of a writer who has felt the approaching time of catastrophes and cataclysm, in connection with which, ideas about harmony and disharmony, good and evil, space and chaos are changing.*

*The article points out the significance of the critic's ideas in the field of creating the theory of individuality, author and hero, in the context of cultural space.*

*In modern humanitarian knowledge, interest in the synthesis of philosophical, historical, literary, and cultural ideas is clearly shown up. This is evidenced by the research of S. Zenkin, V. Lukov, Vl. Lukova, A. Borodin, M. Lanovik, M. Yampolsky, etc. It seems that the thesaurus approach makes it possible to transform canons not only in the poetics and literary text rhetoric, but also in the concepts of literary critics. The article notes that already in the 70–80s. of the XIX century the literary criticism marked the transition from positivistic ideas to anthropocentric one. Interest in religious-philosophical, psychological, psychoanalytic practices is quite obvious. At the same time, in the works of literary critics, the traditional assessment of criticism of this period as a purely ideological and social phenomenon is still preserved. Cultural and psychological aspects in the articles of critics are not considered. Let us consider that appeal to critical reflection of the indicated time allows us to conclude that the essence of the critical paradigm was primarily due to the transitional era, characterized by the actualization of sociocultural and sociopsychological factors.*

*This is evidenced by the critics' accent on the problem of the personality loneliness, its loss against the background of endless historical time that is not subject to it. Time was perceived as an era of a change in the Christian worldview with a new, replacing, ethical and philosophical system, as a result, the human consciousness is changing.*

**Key words:** literary criticism, sociopsychological factor, critical reflection, anthropocentrism, author's consciousness, N. Mikhailovsky.

## REFERENCES

1. Bart, R. (2009), *Izbrannye stat'i: Semiotika: Pojetika* [Selected Articles: Semiotics: Poetics], Progress, Moscow, Russia.
2. Bataj, Zh. (1997), *Vnutrennij opyt* [Internal experience], Axioma, Moscow, Russia.
3. Berdjaev, N. A. (1901), *Sub'ektivizm i individualizm v obshchestvennoj filosofii* [Subjectivity and individualism in public philosophy], St. Petersburg, Russia.
4. Zen'kovskij, V. V. (1991), *Istorija russkoj filosofii: v 2 t.* [History of Russian philosophy: in 2 vol.], vol. 1, JeGO, Moscow, Russia.
5. Mihajlovskij, N. K. (1896–1909), *Sochinenija: v 10 t.* [Writings: in 10 vol.], St. Petersburg, Russia.
6. Mihajlovskij, N. K. (1875), «Notes Profan», *Otechestvennye zapiski*, St. Petersburg, Russia, № 3, pp. 308–346.
7. Jung, K. G. (1992), *Sobr. soch. : v 19 t.* [Collection of works: in 19 vol.], Renesans, Moscow, Russia.

*Стаття надійшла до редакції 9 серпня 2019 р.*